

Zh. Kembayev. LEGAL ASPECTS OF THE REGIONAL INTEGRATION PROCESSES IN THE POST-SOVIET AREA¹. Berlin-Heidelberg: Springer-Verlag, 2009. 217 p.

Монографию Ж. Кембаева можно рассматривать как попытку восполнить информационный пробел политологов, социологов и правоведов Западной Европы относительно того, “что такое СНГ изнутри”. Ценность исследования доктора Кембаева обладает к тому же тем преимуществом, что его нельзя заподозрить в попытке предложить западному научному сообществу “руссцентристский” взгляд на те процессы, которые он исследует. Эта прозрачная исходная позиция исследователя во многом предопределяет как успех, так и некоторые пробелы или, точнее, умолчания монографии.

Как свидетельствует название работы, автор поставил перед собой задачу “второго плана”: проанализировать юридическую компоненту комплексных процессов реинтеграции на постсоветском пространстве. “Первый план”, т.е. политические и социально-экономические аспекты исследуемой темы, сознательно оставлен за скобками. В целом автору удается сохранить нормативистскую беспристрастность в духе Кельзена и удерживать себя от каких-либо комментариев явно идеологического характера. Этот нормативистский “акцент” имеет как свои плюсы, так и минусы. Плюсы очевидны: это логическая последовательность, структурная простота и обозримость содержания, неизбежная привязка аргументации к нормативным источникам, а не к политическим заявлениям.

Нормативистский метод автор удачно сочетает со сравнительным (синхроническим) методом, вовлекая в анализ, с одной стороны, Союз России и Белоруссии и региональную организацию ГУАМ – с другой. СНГ в таком сравнительном ракурсе предстает либо как центристская, либо как промежуточная форма между двумя полюсами (или тенденциями?). При таком подходе невольно напрашивается метафора: СНГ предстает как “развилка” (точка бифуркации) между очередной версией интеграции евразийского пространства и очередной его дефрагментацией.

Здесь мы вынуждены выйти за рамки строгого нормативизма автора рецензируемой работы и перейти к вопросам политической идеологии. В самом деле, если мы просто поменяем одно слово, то вместо “дизинтеграции, или коллапса, СССР” – этих терминов придерживается автор – получаем совсем другой термин под названием “дефрагментация СССР”. Дефрагментация (“распад, или раскалывание на части”) может происходить пассивно или спонтанно, но может быть и результатом деятельности неких субъектов (“акторов”) дефрагментации. Чаще всего спонтанные или объективные процессы дефрагментации политических сообществ дополняются согласованным взаимодействием различных субъектов.

Итак, строгое следование нормативистскому методу не позволяет автору работы рассмотреть процесс дезинтеграции через понятие “дефрагментация”. Впрочем, автор к этому и не стремится. Ж. Кембаев справедливо отмечает, что в результате политической дезинтеграции первоначального (“материнского”) государства появляются “15 отдельных

государств, лишенных преимуществ общего (extended) планирования” (с. 3), но вопрос о том, в какой степени эти 15 государств, суверенных с точки зрения международного права, являются суверенными в экономическом и внешне-политическом отношении, остается за нормативистскими скобками. Вместе с тем политическая *независимость de jure* может не только иметь своим итогом социально-экономическую дефрагментацию вновь образованного субъекта международного права, но и *предполагать* его политическую *зависимость de facto* в контексте *иного* регионального и военно-политического союза.

О том, что региональная интеграция постсоветских государств после распада СССР сама представляет собой *casus specialis* евразийской дефрагментации, свидетельствует предложенная автором классификация этих государств на пять групп:

- 1) прибалтийские государства (Латвия, Литва, Эстония);
- 2) республики Восточной Европы (Беларусь, Молдова, Украина);
- 3) республики Центральной Азии (Казахстан, Киргизстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан);
- 4) республики Закавказья (Армения, Азербайджан, Грузия);
- 5) Российская Федерация, которая по объективным причинам сопоставима со всеми предыдущими группами (с. 4).

Первая из указанных групп уже политически и, отчасти, экономически интегрирована в Европейский Союз. Однако последующие три группы проявляют ту или иную степень внутрigrупповой дефрагментации. Внутри второй группы Украина настойчиво “стучится в двери” не только ЕС, но и НАТО. Беларусь встала на трудный путь региональной реинтеграции с Россией в рамках Союзного государства. Молдова находится под постоянной угрозой повторить судьбу ГДР и “добровольно” присоединиться к Румынии.

В третьей группе Туркменистан и, в меньшей степени, Узбекистан проявляют заметную сдержанность к планам реинтеграции постсоветского пространства в единое экономическое целое. Таджикистан и Киргизстан находятся в затяжных социально-экономическом и политическом кризисах и поэтому неспособны на данном этапе к собственной политике реинтеграции. Казахстан как экономический лидер в рамках третьей группы готов признать лишь такую форму реинтеграции постсоветского пространства, которая будет учитывать структурное лидерство Казахстана в этом регионе.

В четвертой группе вся проблематика реинтеграции сводится к оценке места и роли России в этом регионе. Армяно-азербайджанский конфликт по поводу Карабаха и вопрос Абхазии и Южной Осетии одновременно усиливают российский фактор для одних (Армения), делают его дискуссионным для других (Азербайджан) или вовсе одиозным для третьих (Грузия). Четвертая группа стран, если рассматривать ее в контексте реинтеграции постсоветского пространства, является самым непредсказуемым и во многом дестабилизирующим фактором.

¹ Кембаев Ж. Правовые аспекты процессов региональной интеграции на постсоветском пространстве (на англ. яз.).

Проведенный блиц-анализ позволяет переформулировать поставленную Ж. Кембаевым проблему региональной интеграции следующим образом: «Что, собственно, следует понимать под “региональной интеграцией”, когда речь заходит о постсоветском пространстве?»

Если рассматривать пути будущей реинтеграции постсоветского пространства через понятие “рефрагментация”, то относительно предложенных автором групп можно утверждать следующее.

Интеграция балтийских государств в рамках прибалтийского региона одновременно означает интеграцию в ЕС и, следовательно, невозможность легальной рефрагментации в смысле воссоединения на новых условиях.

Во второй группе только Беларусь в обозримом будущем готова обсуждать проекты полномасштабной рефрагментации постсоветского пространства по аналогии с ЕС.

В третьей группе лишь Казахстан заинтересован в рефрагментации единого социально-экономического пространства по аналогии с ЕС при условии, что это не только не ослабит, но, напротив, усилит его роль структурного лидера центральноазиатского региона. Киргизстан и Таджикистан представляют собой, скорее, финансовую и социально-экономическую ипотеку такой рефрагментации, даже если у этих государств нет для нее идеологических препятствий. Туркменистан и, в меньшей степени, Узбекистан, вероятно, будут довольствоваться статусом “наблюдателей”.

В четвертой группе на данном этапе только Армения готова серьезно обсуждать с Россией политику социально-экономической рефрагментации.

Внутри политического истеблишмента Российской Федерации также нет единства относительно путей дальнейшей рефрагментации по аналогии с ЕС, хотя сама идея доминирует в общественном сознании. Данное обстоятельство политики любой ориентации игнорировать не могут. На наш взгляд, хорошие перспективы на лидерство есть у так называемых прагматиков объединения, которые полагают, что объединяться должны социально-экономические лидеры постсоветского пространства (вместе или без Украины). Здесь, на наш взгляд, основная проблема кроется не столько в самой Украине, сколько в “украинском синдроме” российского истеблишмента, который заранее допускает мысль, что у Украины относительно России всегда есть преимущество “политического шантажа”.

Анализируя правовой статус СНГ, автор различает три возможные альтернативы:

СНГ как “клуб президентов” (с. 35);

СНГ как свободная ассоциация (loose association, с. 36);

СНГ как корпорация принудительных решений (strong decision-making entity, с. 37).

Автор поддерживает господствующее мнение о том, что СНГ представляет собой свободную ассоциацию как средний путь между двумя полюсами (первая и третья альтернативы). В пользу такой интерпретации, по его мнению, свидетельствует возможность рассматривать вторую альтернативу как организационную форму, способную оптимально сочетать разные уровни и разные скорости интеграционного процесса (с. 40).

Самым дискуссионным остается уровень реинтеграции общего военного пространства, относительно перспективным является уровень реинтеграции единого безвизового пространства для граждан СНГ. Однако корень проблемы

по-прежнему лежит в социально-экономической интеграции. Совместными усилиями удалось инициировать встречный процесс интеграции республик Центральной Азии и Восточной Европы.

Корректная и взвешенная аргументация Ж. Кембаева сводится к тому, что интеграционные процессы на постсоветском пространстве чем дальше, тем больше удаляются от контекста отношений гегемонии или доминирования, с одной стороны, и недифференцированного вассалитета – с другой. В частности, такую геополитическую конструкцию, как Союзное государство Россия и Белоруссия, невозможно корректно анализировать без учета принципа суверенного равенства обоих государств, а также без учета человеческого фактора в лице действующего Президента Белоруссии.

В то же время перспективное предложение о так называемом Евразийском Союзе как политической идее было актуализировано президентом Назарбаевым без каких-либо формальных “согласований” с Кремлем или с кем бы то ни было. При этом, как отмечает Ж. Кембаев, в самом начале эта идея “была решительно отвергнута Украиной и Узбекистаном”, в то время как “другие участники СНГ (включая Россию) хранили молчание по данному вопросу” (с. 133).

Возвращаясь к возможности анализа заявленной темы в терминах дефрагментации политического и социально-экономического пространства под названием “СССР”, нельзя не вспомнить о геоэтнических проблемах Азербайджана (Карабах), Грузии (Абхазия и Южная Осетия), Молдовы (непризнанная Приднестровская Республика) и, в латентной форме, Украины (Крым и “русскоговорящее Приднепровье”). Ясно, что эти проблемы можно рассматривать как результат вторичной дефрагментации вновь созданных национальных политических пространств, которая была непосредственно инициирована первичной дефрагментацией СССР.

Понятно, что при таком подходе и вторичная рефрагментация этих территорий логически не может предшествовать их первичной рефрагментации в контексте Евразийского Союза (например, в духе Назарбаева). Попытки политических элит этих государств объединить свои усилия (например, в рамках ГУАМ) и окончательно перенаправить вектор региональной интеграции в сторону от Евразийской геополитической идеи не имеют внятной конструктивной цели.

Другими словами, непонятно, в какой именно регион должны в итоге влиться участники ГУАМ. Если эта цель – ближайшая граница, но только не российская, то цель Молдовы, очевидно, – слиться с Румынией. Другие участники ГУАМ, соответственно, вправе искать собственные схемы микрорегиональной интеграции, поскольку не все захотят слиться именно с Румынией. Для некоторых из них, например для Украины, целью микрорегиональной интеграции может быть либо Польша, либо Литва. Как бы то ни было, все это очень напоминает “добровольное” вхождение в СССР прибалтийских государств.

Если же целью ГУАМ декларируется членство в Европейском Союзе, как таковом, то здесь, во-первых, шансы между участниками ГУАМ распределены крайне неравномерно и, во-вторых, даже для лидера, каковым представляется Украина, эта цель может быть реализована в лучшем случае лишь в течение жизни поколений, родившихся в XXI в. Поскольку политическое мышление западноевропейского образца не в состоянии удержать столь отдаленной стратегии, то скорее всего ГУАМ просто выполняет функцию конъюнктурного противовеса российскому влиянию в этом регионе. Как все, построенное на идеологии отрицания, конструкция ГУАМ не имеет надежного будущего.

Исследование Ж. Кембаева в латентной форме выводит читателя на проблематику, которая, на первый взгляд, может показаться парадоксальной. Речь идет о таком феномене, как **международное конституционное право**. В контексте затронутых автором проблем этот феномен можно переформулировать как **региональное конституционное право**. Как бы то ни было, успех политической и социально-экономической реинтеграции постсоветского пространства во многом зависит от того, насколько, во-первых, национальному конституционному праву государств – участников СНГ удастся выполнять служебную функцию по отношению к региональному международному праву. Во-вторых, региональное конституционное право должно решить проблему взаимной

рецепции отдельных (наиболее интеграционно дружественных) конституционных норм или (там где это невозможно) обеспечить приемлемую гармонизацию национальных конституций, а также других соответствующих нормативно-правовых актов. Разумеется, объектом рецепции может стать норма любой национальной конституции также и за пределами СНГ (скажем, сингапурского конституционного права), если только она способна помочь в решении правовых проблем постсоветской интеграции.

**С.В. Королев, зав. сектором сравнительного права Института государства и права РАН,
доктор юрид. наук**

В статье П.В. Агапова “Основания и принципы криминализации организованной преступной деятельности, опубликованной в № 3, на с. 58 (правый послед. абз., 4-я стр.) следует читать: ст. 282¹ УК РФ; в сноске 23-й – М., 1982.